

На правах рукописи

ОЗЕРОВА КАРИНА АДГАМОВНА

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ПАМЯТИ О ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В
РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Казань 2020.

Работа выполнена на кафедре общей и этнической социологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: Доктор социологических наук, доцент
Ефлова Мария Юрьевна,
профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Галиев Гали Талхиевич,
начальник отдела дополнительного образования Института экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа)

кандидат социологических наук, доцент
Ларионова Ирина Викторовна,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева–КАИ» (г. Казань)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза)

Защита диссертации состоится «23» апреля 2020 г. в 17.00 на заседании диссертационного совета КФУ.22.01. при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская д.35, ауд. 1608.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Сведения о защите, электронная версия автореферата и диссертации размещены на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <https://www.kpfu.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2020 года.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат социологических наук, доцент

О.А. Максимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ключевым фактором консолидации и согласия в любом обществе является ответственное и уважительное отношение к своему прошлому. Представления о прошлом во многом определяют содержание ценностных ориентиров и границ идентичностей различных групп, а также уточняют контекст и рамки их взаимодействия. Социальная память, помимо образов и репрезентаций прошлого – это еще и деятельность по их созданию, воспроизводству и актуализации на уровне культуры в целом, отдельных социальных институтов, групп и сообществ разного уровня. Эта часть социальной памяти носит название политики памяти. Особенно значимым представляется исследование связи политики памяти и идентичностей этнических групп, для которых происхождение и ощущение совместного прошлого закрепляет солидарность в настоящем, определяет представления о своей идентичности и отношениях с другими группами.

Знание механизмов воздействия социальной памяти на общество и конкретные социальные группы позволяет глубже понимать многомерную социальную реальность, специфику межэтнических и межконфессиональных отношений и осуществлять эффективное социальное проектирование и прогнозирование. Особенно это значимо для многонационального и поликультурного пространства Российской Федерации. Республика Татарстан в последние десятилетия стремится к лидирующему статусу среди регионов Российской Федерации и званию «третьей столицы», а также центра татарской культуры и ислама в России. Презентация Татарстана как особенного региона с точки зрения культуры, характеристик социального взаимодействия и экономики, во многом обусловлена определенной политикой памяти, прошлое используется как важнейший ресурс, определяющий характер формирования и развития идентичности татар, межкультурных связей в Татарстане и за его пределами, а так же туристической привлекательности региона. Татарстан является полиэтничным регионом. В 2010 году в Республике насчитывалось 8 национальностей, численность которых превышала 10 тысяч человек, наиболее многочисленными этническими группами являются татары (53%) и русские (40%)¹ и, в контексте поликультурности региона, образы взаимодействия народов в историческом прошлом становятся источниками установок по регулированию межэтнических взаимоотношений в современности.

То, как этническая идентичность конструируется через обращение к историческому прошлому татар, особенно отчетливо прослеживается репрезентации образов Булгарского периода истории региона. Волжская Булгария – это крупное, политически, культурно и экономически развитое средневековое государство, которое располагалось на территории современного Татарстана и нескольких соседних регионов. Булгарская версия происхождения татар не является единственной и доминирующей, но она широко представлена

¹ Население. Официальная статистика. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/population/.

на туристических и официальных порталах республики¹. С болгарским наследием в современном Татарстане связаны множество форм актуализации прошлого региона: проводятся специализированные мероприятия, учреждаются музеи, заповедники и инфраструктура вокруг них, возводятся памятники, создаются оперы и другие культурные произведения. Кроме того, появляются новые репрезентации того, как связаны древние болгары и современные татары и республика в целом.

Подобное конструирование смыслов происходит не только относительно образа болгарского прошлого, однако именно этот кейс насыщен практиками актуализации (в том числе институализированными) в культуре, науке, а также в сфере туризма и религиозной жизни, что позволяет исследовать стратегии и механизмы социальных акторов различного уровня относительно конструирования образа прошлого и его актуализации в связи с этнической идентичностью, этнической и культурной политикой, а также туристической экономикой региона.

Степень научной разработанности проблемы. В рамках социологического подхода к исследованию памяти следует, прежде всего, отметить идеи Э. Дюркгейма о «коллективных представлениях», исследования социальной (коллективной) памяти М. Хальбвакса, анализ социальной памяти через призму культуры в работах Я. Ассмана и А. Ассман, работы П. Нора (анализ «мест памяти»)² и др.

Понимание социальной памяти как социального конструкта опирается на постструктуралистские и конструктивистские социологические концепции. В контексте данного исследования значимы концепция воспроизводящихся «нарративов» Х. Уайта, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, работы представителей структурной лингвистики и идея «означающего и означаемого» (Ф. де Соссюр, Н.Г. Брагина, Б.М. Гаспаров, О.Г. Ревзина), теория репрезентации С. Холла³.

Связь памяти и локального социального контекста объясняется с использованием метафоры «социального поля» (П. Бурдьё). Неоднородность социальной памяти внутри одной общности рассмотрена Г. Шуманом и Ж. Скоттом. Динамичность и изменчивость социальной памяти описывает

¹Официальный Татарстан. История, культура, религия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tatarstan.ru/about/human.htm>

²См.: Дюркгейм Д., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений / Пер. с фр. А.Б. Гофмана // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 6-73; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 368 с.; Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50

³См.: Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.; Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.; Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.; Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 10-24.; Hall S. Encoding / Decoding // Hall S., Hobson D., Lowe A., Willis P. (eds.) Culture, Media, Language: working papers in cultural Studies (1972-1979). London: Hutchinson, 1980. 128-138

процессо-реляционная модель Дж. Олика и идея «изобретения традиций» Э. Хобсбаума. Различные аспекты практик, связанных с политикой памяти рассмотрены в работах М.А. Бойцова, В.А. Шнирельманна, Б.Е. Винер, П.К. Варнавского, Л.Д. Гудкова¹ и др.

Большое внимание исследователей уделено связи социальной памяти и разного рода идентичностей (этнических, национальных, региональных, классовых и т.д.). Исследования категории «идентичность» представлены в работах Э. Гидденса, Г. Люббе, Э. Эриксона, а также в работах российских авторов: С.В. Кардинской, В.С. Малахова и В.А. Тишкова². Исследования непосредственно этничности и этнической идентичности происходит в рамках этносоциологии, преимущественно в двух больших направлениях – примордиалистском и конструктивистском. Представители первого подхода интерпретируют этничность как естественноисторическое образование, объективное явление (П. Ван ден Берге, Л.Н. Гумилев, К. Гирц³). Второй подход акцентирует внимание на ситуативности и изменчивости этнического, не объективности и возможности социального конструирования (Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум⁴). Отдельно стоит отметить исследования вопросов формирования и воспроизводства этнической идентичности в условиях мультикультурализма и глобализации (например работы У. Бека, И. Валлерстайна, Э. Тоффлера⁵ и др.)

¹См.: Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1, СПб.: Алетейя, 2007. С. 28; Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.; Олик Дж., Хлевнюк Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 41; Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p.; Бойцов М. История закончилась. Забудьте // Культура. 2005. С. 31–32; Шнирельман В.А. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности // Вестник Российской нации. 2010. С. 1–47; Винер Б.Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 115-130.; Варнавский П.К. Стратегии конструирования социокультурных границ в современном дискурсе бурятской этничности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 254-266.; Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 3-4. С. 48-49.

²Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.; Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94-113.; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.; Малахов В. Неудобства с идентичностью // «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров, «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 79-100.; Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2011. 376 с.

³См.: Van den Berghe P. The ethnics phenomenon. N.Y.; Oxford, 1981. 301 p.; Субетто А.И. Историческая этнология Л.Н. Гумилева как парадигмальная научная школа в человековедении XXI века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С.90-96; Гирц К. Интерпретация культур: пер. с англ. // Серия «Культурология. XX век». М., 2004. 560 с.

⁴См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаевой. Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 123; Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 198 с.; Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 126 с.; Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p.

⁵См.: Бек У. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. - Москва : Прогресс-традиция, 2000. 381 с.; Филипенко Е. В. Культурная идентичность сообществ с позиций мир-системного анализа И. Валлерстайна // Пространство и Время. 2015. №1-2 (19-20). С. 79-83.; Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 261 с.

Для современной социологической науки характерен отказ от жесткого следования одной определенной концепции и использование широкого диапазона различных теоретических подходов к исследованиям феномена этнического, обращающих внимание на такие аспекты как этническая стратификация, соотношение гражданской и этнической идентичности в поликультурных обществах, регулирование межэтнического взаимодействия (Г.Т.Галиев, Л.С. Вильданов, Т. Г. Дружинина, Л. М Дробижева¹), соотношение этнического и религиозного (В.А. Тишков, Т.А. Титова²), непосредственно вопросами соотношения этнической идентичности в Татарстане и языковой, миграционной, культурной политики, а так же прогнозированием динамики межэтнических отношений занимаются такие авторы как Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.Р. Низамова, Э.А. Сагдиева³. Идентификационные стратегии жителей Татарстана рассмотрены в трудах В.А. Беляева, И.В. Ларионовой, Г.И. Макаровой, О.А. Максимовой и др.⁴ Вопросы создания условий для консолидации межэтнических отношений и выстраивания идентичности жителей, как в Татарстане, так и в общем в Поволжье анализировали Г.Б. Кошарная, С.А. Барсукова и др.⁵

В целом, анализ литературы показал, что представляется значимым установление и определение основных понятий и категорий теории социальной памяти и политики памяти, создание теоретического концепта, позволяющего описывать и анализировать как структуру социальной памяти, так и процессы ее формирования и трансформаций, а так же ее роли в формировании этнической идентичности и регулировании межэтнического взаимодействия.

¹ См.: Галиев Г.Т. Вильданов Х.С. Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 1) // Евразийский юридический журнал. 2016. №9 (100). С.355-357.; Галиев Г.Т., Дружинина Т.Г. Технологическое управление межнациональными отношениями: от конфликта до гармонии. Уфа.: Гилем, 2012. 21с.; Дробижева Л.М. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. - М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. - 485 с.

² См.: Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С.3-21; Титова Т. А., Козлов В. Е., Суслов А. Ю. Этнические меньшинства в Татарстане: толерантность и «Психологическое неравенство» // Вестник Казанского технологического университета. 2006. №4. С. 289-291

³ См.: Габдрахманова Г. Ф., Макарова Г. И. Изучение и регулирование этносоциальных процессов в России // Социологические исследования. 2019. №3. С. 156-158.; Макарова Г. И. Некоторые этнические аспекты культурной политики республики Татарстан // ЖССА. 2001. №2. С.90-99.; Низамова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. №5. С.166-176. ; Сагдиева Э. А. Особенности адаптационных процессов в этнической мигрантской среде (на примере республики Татарстан) // Вестник ЧГУ. 2010. №1. С.153-157.

⁴ Беляев В.А., Максимова О.А., Мингазова А.М. Поколенческая специфика этнической и конфессиональной идентичности населения Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 210-214; Ларионова И. В. Идентификационные стратегии жителей Республики Татарстан: поколенческий аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2018. №4 с. 234-237; Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 275-278; Макарова Г. И. Этноязыковое поведение молодых казанцев (по материалам полуструктурированных интервью) // Вестник Института социологии. 2017. №3. С.32-52.

⁵ Кошарная Г.Б., Барсукова С.А., Каримова Л.Ф., Корж Н.В., Редя Г.П., Толубаева Л.Т., Щанина Е.В. Социокультурные факторы консолидации населения полиэтнических регионов Поволжья/ Под.ред. Г.Б. Кошарной – Ульяновск.: "Зебра".2016. 212 с.

Объектом исследования является социальная память о прошлом региона в Татарстане.

Предмет исследования – процесс конструирования этнической идентичности в рамках политики памяти о Волжской Булгарии в Татарстане.

Цель исследования – выявить механизмы конструирования этнической идентичности через политику памяти о Волжской Булгарии.

Задачи:

- Уточнить содержание понятий «социальная память» и «политика памяти» в социологическом контексте;
- Синтезировать аналитическую модель политики памяти как процесса конструирования представлений о прошлом;
- Обосновать эффективность использования принципов конструктивизма и постструктурализма для объяснения процесса формирования этнической идентичности в рамках политики памяти;
- Определить роль политики памяти в регулировании межэтнических отношений в поликультурном регионе (на примере памяти о Волжской Булгарии в Республике Татарстан);
- Выявить механизмы взаимосвязи конструирования этнической идентичности и имиджа региона посредством политики памяти (на примере памяти о Волжской Булгарии в Республике Татарстан);
- Определить механизмы политики памяти, направленные на формирование репрезентаций этнической идентичности татар (на примере памяти о болгарском периоде истории Татарстана);
- Выявить стратегии актуализации этнической идентификации татар в рамках политики памяти

Теоретико-методологическая основа исследования. Работа основывается на принципах постструктурализма и конструктивистского подхода к анализу феноменов социального. Идеи социального конструктивизма рассматриваются в трактовке П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Лумана. Подход к анализу социальной памяти и политики памяти в диссертационном исследовании основан на идеях таких социологов, как: М. Хальбвакс (социальные рамки памяти), С. Холл (теория репрезентаций), Э. Хобсбаум (изобретение традиций), Дж. Олик (процессо-реляционная методология и фигурации памяти), Д. Александер (культурная травма), П. Бурдьё (память как «социальное поле»), П. Нора (места памяти), Я. Ассман и А. Ассман (память как продукт форм культуры). А также прикладные и теоретические исследования социальной памяти и политики памяти в контексте этнической и национальной идентичности В.А. Шнирельмана, О.Ю. Малиновой, Н.Е. Копосова.

Объяснение структуры социальной памяти основано на типологиях Э. Тоффлера (разделение на индивидуальную и общую, или социальную, память) и Я. Ассмана (коммуникативный уровень (межличностное взаимодействие, передача памяти через общение с семьей, друзьями) и культурный уровень (распространение нарративов о прошлом на уровне

различных формальных и неформальных институтов)¹. Фокус исследования был сосредоточен именно на культурной памяти, так как политика памяти разворачивается, прежде всего, на институциональном и организационном уровнях и уже через них оказывает влияние на содержание памяти коммуникативной. Этническая группа рассматривается как «воображаемое сообщество», идентичность которой не предписанное и неизменное свойство, а постоянный процесс конструирования, актуализации интерпретации² (и политика памяти один из факторов такой актуализации).

Социальная память анализируется как социальное пространство репрезентаций (образов как отдельных исторических событий, персонажей, эпох так и социальных групп в различные периоды прошлого), а также как совокупность практик актуализации прошлого для легитимирования различных форм социальной активности и формирования идентичностей в настоящем (носят название политики памяти). Конструктивистский подход позволил рассмотреть процессы формирования социальной памяти как двухстороннее взаимное влияние социальной реальности и деятельности различных социальных акторов и позволил создать эмпирически обоснованную концептуальную модель механизма конструирования социальной памяти посредством различных стратегий политики памяти.

Эмпирическая база исследования. В диссертации использованы различные по типу и функциональному предназначению эмпирические материалы.

1. Данные официальных интернет-порталов Республики Татарстан, документальные источники регионального уровня учреждающие создание отдельных организаций (фондов, музеев, исследовательских подразделений), учебных программ и пособий по истории региона различного уровня, проведение мероприятий, связанных с историческим прошлым Республики Татарстан, и анализ (традиционный и дискурсивный) публикаций региональных СМИ, посвященных периоду Волжской Булгарии.
2. Авторское исследование «Медиаобраз периода Волжской Булгарии в контексте репрезентации этнической идентичности татар», посвящённое анализу частоты и контексту репрезентации идентичности этнической группы татар в публикациях СМИ и социальных медиа в период с января 2014 г. по май 2019 г., содержащих упоминание Волжской Булгарии. Метод исследования – контент анализ (n=3507). Исследуемые параметры: динамика возникновения сообщений по теме, охват аудитории, тип источника, местоположение авторов сообщений, половозрастные

¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004 С. 28.; Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 120.

² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаевой. Вступ. ст. С. Баньковской. М: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 123.; Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; Нац.исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 23

характеристики авторов сообщений, характер репрезентации этнической идентичности.

3. Результаты массового репрезентативного опроса жителей г. Казань (n=1000, квартирный опрос, выборка – квотная по полу, возрасту, этнической принадлежности) в рамках проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета при поддержке программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013–2014), проведенного в июне 2014 (автор является одним из непосредственных участников проекта).
4. Результаты авторского эмпирического исследования «Политика памяти в рамках конструирования социальной памяти о Волжской Булгарии в Татарстане». Исследование проведено с применением качественной стратегии, на основе серии глубинных интервью с экспертами – специалистами, включенными в процессы конструирования и трансляции образов прошлого Республики Татарстан, такими как: археологи, профессиональные историки, работники музеев, экскурсоводы, краеведы, преподаватели и учителя истории Татарстана, представители общественно-политических движений и организаций, представители министерства культуры и туризма республики, деятели культуры и искусства (n=36). Период проведения исследования сентябрь 2015 – июнь 2018 гг.

Комбинация различных методов сбора и анализа данных позволила верифицировать результаты, полученные в ходе исследования. Обширный пласт литературы по изучаемой теме, вторичный анализ данных исследований по теме, широкий круг источников и собственные эмпирические исследования обеспечили достоверность и обоснованность полученных результатов.

Научная новизна. В контексте авторского подхода новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- обосновано использование метафоры «пространств» для анализа феномена социальной памяти как репрезентаций прошлого в представлениях социальных групп и отдельных лиц и тех практик (чувств, поступков, оценок, решений), которые возникли на основе этих представлений. Социальная память всегда привязана к определенной группе (или группам, чаще всего этническим и национальным) и территориям.

- на основе анализа теоретического материала уточнены границы социологической интерпретации феномена социальной памяти, рассмотренной как дискурсы и нарративы (и на коммуникативном, и на культурном уровне) и как практики актуализации событий, оценок, представлений о собственной идентичности и решений на основе репрезентаций прошлого.

- сформулирована авторская интерпретация понятия «политика памяти». Политика памяти концептуализируется как конструирование определённого способа репрезентации тех или иных событий и явлений прошлого для использования их в целях изменения настоящего.

- предложены и описаны основные компоненты политики памяти (акторы, нарративы, каналы и др.) и сформулированы центральные свойства политики памяти – процессность, интерпретация связи образов прошлого с настоящим, временные границы, целенаправленность, нелинейность.

- разработана модель механизма конструирования представлений о прошлом в рамках политики памяти, позволяющая описать и проанализировать основные компоненты политики памяти, и стратегии формирования этнической идентичности посредством политики памяти в рамках социального пространства поликультурного региона.

- на основе анализа источниковой базы: данных контент анализа, официальных порталов и публикаций региональных СМИ, сообщений социальных медиа, анализа данных массового репрезентативного опроса жителей г. Казани и серии интервью с основными категориями субъектов (акторов) политики памяти в Республике Татарстан определена специфика политики памяти как механизма депроблематизации межэтнических отношений, создания внешнего образа татар и в целом Татарстана, и формирования этнической идентичности татар (на примере политики памяти о Волжской Булгарии).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Социальная память представляет собой, во-первых, дискурсы и нарративы, выраженные в коммуникативной и (или) сконструированные в культурной памяти и закрепленные в виде символических объектов, во-вторых, практики, актуализирующие те или иные события, оценки, решения при помощи обращения репрезентаций прошлого в различных социальных полях. При этом дискурсы, нарративы и практики в рамках социальной памяти находятся в постоянной динамике – их значение интерпретируется и реинтерпретируется в зависимости от особенностей того социального пространства (поля), в котором они существуют. Конструирование представлений о прошлом многомерно, исходит от множества авторов одновременно и может нести как близкие, так и диаметрально противоположные образы и оценки прошлого.

2. Политика памяти является процессом, который инициируется различными социальными акторами (государством, общественными движениями, отдельными деятелями культуры и искусства, учеными и т.д.). Они мобилизуют доступный им диапазон институциональных и символических ресурсов, распространяя репрезентации прошлого для решения собственных задач в настоящем. Однако содержание социальной памяти не определяется только целенаправленной активностью акторов политики памяти, оно изменчиво и подвержено широкому кругу культурных, политических и других влияний, многие из которых непредсказуемы. Центральные характеристики социальной памяти – это многомерность смыслов и значений, наличие временных и пространственных границ (определяются границами существования практик относящихся к актуализации прошлого). Распространение определённой политики памяти совпадает с границами «социального поля» как специфической пространственно-временной совокупности социальных агентов, практик и смыслов, которые они производят

и которыми они руководствуются. Политика памяти репрезентирует не столько образ конкретного периода исторического прошлого, сколько интерпретации его значения для настоящего в конкретном социальном поле. Процесс конструирования культурной памяти не может рассматриваться в отрыве от конкретных социальных рамок, в которых она осуществляется, так как политика памяти (в том числе и ее продукты) и является элементом культурной памяти.

3. Стратегии политики памяти представляют собой способы репрезентации прошлого, связанные с активностью конкретных акторов, производящих образы прошлого, с наборами стилей репрезентации связи прошлого с настоящим и с особенностями каналов распространения нарративов. Стратегии политики памяти всегда направлены на создание представлений о прошлом, связанных с оценкой явлений настоящего и (или) мотивированием к социальной активности.

4. Политика памяти закрепляется через процесс институционализации (выражается как в работе с физическими местами памяти, так и в создании формальных и неформальных институциональных структур занятых конструированием прошлого). Институционально воспроизводятся ключевые элементы политики памяти: нарративы, акторы (например, через подготовку представителей определённой школы исторических исследований, лицензирование экскурсоводов), каналы политики памяти (музеи, конференции, тексты и т.д.). Институциональное закрепление задает рамки интерпретации как образа региона, так и образа этнической группы татар на основании обращения к болгарскому прошлому.

5. Обращение к прошлому в рамках стратегий политики памяти происходит в том числе для актуализации этнической идентичности и регулирования межэтнических взаимоотношений. Элементы культурной памяти, такие как музеи, фильмы, музыка и т.п., репрезентирующие то, какими были предки этнической группы, становятся элементами, помогающими поддерживать воображение о существовании этнической группы и том, каковы ее особенности. Во многом именно социальная память помогает представителям этнической группы давать определения текущим социальным ситуациям, и решать, как именно реагировать на действия других групп или поступки собственных членов. Насыщение социального пространства репрезентациями прошлого и объяснениями связи этого прошлого и идентичности этнической группы, повышает частоту этнической актуализации среди рядовых членов собственной группы в повседневной жизни. Конструирование этнической идентичности происходит через установление символической связи членов этнической группы и их предка (обычно это выражено в подчеркивании преемственности традиций развитости и т.д.). Мифологизированному предку приписываются определенные черты, которые переносятся на членов группы сегодня. При этом образ предка сакрализуется и используется в качестве некоего морально-этического ориентира. Аудитории же политики памяти предлагается готовая интерпретация того, как прошлое должно обуславливать их оценки современных политических и культурных событий и черты групповой идентичности.

6. В поликультурном регионе политика памяти является механизмом формирования этнической идентичности, одновременно интерпретируя идентичность членов группы для них самих, и прорабатывая «внешний» образ группы (нейтрализуя негативные стереотипы и культурные травмы). Содержание этнической идентичности в рамках политики памяти всегда привязано к репрезентации того, какими являются и какими должны быть отношения членов группы с другими этносами. Основанием формирования подобных оценок является ссылка на «историческую обусловленность». Политика памяти о Волжской Булгарии в Татарстане выстраивает идентичность этнической группы татар вокруг традиций мирного межэтнического и межконфессионального взаимодействия и отсылки к высокой культуре и развитости древних болгар. Статус «титულიной» этнической группы часто приводит к тому, что конструирование образа Татарстана в публичном дискурсе является одновременно и конструированием образа татар.

7. Политика памяти использует образы исторического прошлого для акцентирования особенности республики в плане толерантности веротерпимости, в этом контексте обращение к тематике Волжской Булгарии – явление начала XXI века. Ранее репрезентации периода были более политизированы и связаны с стремлением этнической элиты региона к большему суверенитету. В этом контексте можно говорить о смене «жанра» (в терминах процесса реляционной теории Дж. Олика) использования образа болгарского прошлого Татарстана: произошел переход от политического контекста актуализации к контексту туристическому и культурному в широком смысле слова. В реалиях современной Республики Татарстан сфера туризма становится одной из самых влиятельных областей политики памяти о болгарском наследии. Это влияние определено широкой аудиторией, которую охватывает туристическая сфера: это как жители Татарстана, так и туристы из других регионов России и из-за рубежа. Конструирование экономической привлекательности на основе культурного наследия происходит через использование образа развитости и особенной культурной ценности болгарской цивилизации для улучшения образа региона и повышения популярности туристических объектов, которые связаны с периодом Волжской Булгарии, а значит, и Татарстаном, и этнической группой татар. Репрезентации культурной ценности периода как экономического ресурса в сфере туризма происходят с использованием упрощенного мифологизированного образа, наполненного эмоциями.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что содержащиеся в ней выводы и предложения вносят вклад в углубление представлений об изучаемом явлении и могут быть использованы для дальнейших научных исследований связи социальной памяти и этнической идентичности в конструктивистском ключе. Разработанная концептуальная модель политики памяти и стратегий политики памяти может быть применена для анализа кейсов, связанных с образами прошлого идентичностями и взаимодействием этнических групп, как на региональном, так и на федеральном уровне.

Практическая значимость диссертационного исследования. Полученное знание является основанием для выработки рекомендаций по корректировке практик обращения к образам прошлого в СМИ, образовании, туризме и сфере управления социокультурными проектами, что может стать основой для повышения уровня солидарности членов региональных сообществ и общества в целом, а также снизить риски возникновения межкультурных (в частности, межэтнических) конфликтов. Результаты, полученные в рамках диссертационной работы, могут распространяться в научном сообществе посредством преподавания на отделениях социально-политических наук.

Апробация исследования. Выводы и положения диссертационного исследования были представлены автором на конференциях различного уровня таких как международная научно-практическая конференция «социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве», Казань, КСЮИ, 2018; Восьмая общероссийская конференция «Выставка Достижений Научного Хозяйства», Санкт-Петербург, ЕУСПб, 2014; По результатам исследования опубликовано 10 работ общим объемом 5,62 п.л. (из них авторских – 5,25 п.л.), в том числе 3 статьи в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК РФ, объемом 1,54 п.л.

Соответствие паспорту специальности 22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы»: 11. Социальная динамика и адаптация отдельных групп и слоев в трансформирующемся обществе; 33 – Субъективный аспект социальной стратификации. Социальная идентификация, ее основные виды: социально-групповая, социально-слоевая идентификация. Типы идентификационного поведения.

В работе рассмотрены динамика конструирования этнической идентичности в контексте политики памяти и механизмы депроблематизации межэтнических отношений при помощи обращения к прошлому, а также трансформация и адаптация содержания и форм актуализации этнической идентичности через политику памяти в поликультурном контексте.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения, библиографии и приложений, в которых приведены основные положения программ социологических исследований, являющихся эмпирической базой работы, инструментарий исследований (гайд экспертного интервью, кодировочная таблица контент-анализа), список информантов экспертного интервью, частотные распределения в рамках анализа данных опроса. Общий объем диссертации 246 страниц (основной текст без списка литературы и приложений 199 страниц). Список использованных источников литературы включает в себя 232 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *введении* приведено обоснование актуальности темы исследования, обозначена степень разработанности темы; сформулированы: объект, предмет, цели и задачи исследования; определены: научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, научно-практическая значимость исследования.

В *первой главе* «Теоретико-методологические основания социологического исследования социальной памяти» характеризуется состояние социально-культурного похода к феномену памяти и обосновывается эффективность применения методологии конструктивизма и постструктурализма, которая акцентирует внимание на генезисе дискурсов и нарративов о прошлом, их изменчивости, множественности, связи с контекстом возникновения и идентичностью групп.

Параграф 1.1 «Рамки концептуализации феномена памяти в социологии» уточняет содержание направления исследований в рамках «memory studies» – изучение социальной памяти в социологическом смысле сопряжено не с изучением фактов о прошлом, а с теми представлениями, образами и оценками, которые сегодня связаны с различными репрезентациями прошлого и с теми практиками, которые выстраиваются вокруг них. Социальная память результат социального конструирования, и состоит из конструкторов («способов истолкования мира, классификационно-оценочных шаблонов, которые человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир»¹).

Рассмотрены уровни социальной памяти: коммуникативный (межличностное взаимодействие, передача памяти через общение с семьей, друзьями) и культурный (распространение нарративов о прошлом на уровне различных формальных и неформальных институтов). Социальная память – это и репрезентации прошлого (выраженные в дискурсах и нарративах), и практики на индивидуальном и групповом уровнях, которые воспроизводят эти репрезентации в различных социальных полях и обозначают связь образа прошлого и событий настоящего (одной из важнейших таких связей является актуализация идентичностей социальных групп).

В *параграфе 1.2* «Социальная память и идентичность этнической группы» обозначена роль социальной памяти для объединения членов группы и обеспечения социальной интеграции. В работе используются конструктивистский подход к анализу этнической идентичности, которая рассматривается как конструкт, создаваемый воздействием социальных акторов (культурных и властных элит, например). Представителями данного направления являются Ф. Барт, Б. Андерсон, П. Бурдьё, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и американский социолог Р. Брубейкер.

Связь памяти о прошлом группы и идентичности группы, во многом обусловлена представлениями о предках группы. Элементы культурной памяти,

¹ Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Коллективная монография под ред. Н. Кочеляевой. М.: Совпадение, 2012. 157 с.

такие как музеи, фильмы, музыка и пр., репрезентирующие то, какими были предки этнической группы, становятся источниками, помогающими поддерживать воображение о существовании, отличительных чертах и границах этнической группы, а так же об отношениях с другими этническими группами. Этническая идентификация при обращении к памяти усиливается через наполнение событий этнической истории эмоциями и особым смыслом, выстраивание ощущения сопричастности с историей своего народа, акцентирование необходимости соответствовать «великим предкам», «исконным традициям» и интерпретации того, как именно это должно выражаться в настоящем.

В параграфе 1.3 «Политика памяти: структура, характеристики и роль в конструировании социальной памяти» проведен анализ интерпретаций понятия «политика памяти» и дается авторская концептуализация понятия «политика памяти» - это изобретение (конструирование) способа репрезентации и актуализации определённых событий прошлого в целях преобразования настоящего. Используя концепцию С. Холла, можно сказать, что политика памяти это работа по производству и воспроизводству репрезентаций, которую субъекты производят для того, чтобы образовывать новые значения существующих понятий и явлений. Политика памяти всегда направлена на оценку явлений настоящего и мотивирование к определенным оценкам и действиям, через апелляцию к прошлому. Центральные свойства политики памяти – процессность, связывание образов прошлого с настоящим временные границы, целенаправленность, не линейность. Кроме того, политика памяти – это и производство символов и смыслов, и производство материальных и нематериальных объектов, фиксирующих память. В политике памяти, по аналогии с процессом коммуникации, выделяются актор, содержание (смыслы, репрезентации), канал передачи, стратегии передачи и целевая группа (аудитория). Общая аналитическая модель механизма конструирования социальной памяти с учетом места политики памяти в этом процессе представлена на рисунке 1.

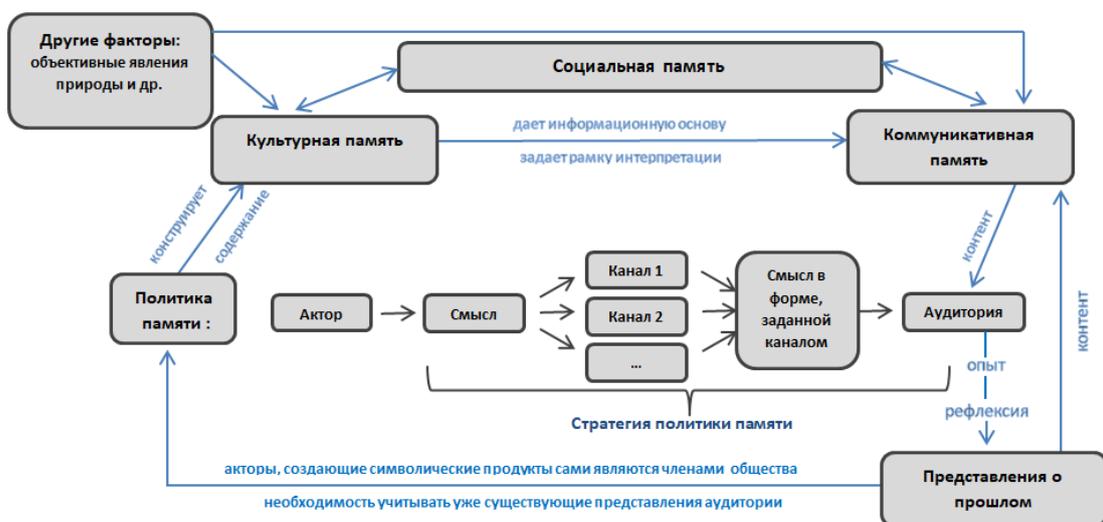

Рис 1. Политика памяти в структуре социальной памяти

Политика памяти, таким образом, сама является и частью культурной памяти (как практики производства и распространения репрезентаций прошлого), и источником формирования содержания данного уровня социальной памяти. Политика памяти конструирует содержание культурной памяти, однако, повлиять и на культурный и на коммуникативный уровень могут иные факторы, например объективные явления природы (катаклизмы, засухи и т.д.). События и явления общественной жизни, даже непосредственно не связанные с прошлым, также могут стать предметом интерпретаций в рамках политики памяти (например, через установление символической связи этих явлений современности и истории).

Наиболее выраженный эффект политики памяти связан с актуализацией идентичностей, особенно этнических. Прошлое становится источником обоснования новых граней идентичности, способом описать себя в настоящем и обосновать «исторической обусловленностью» необходимые акторам политики памяти решения. Для конструирования различного рода идентичностей имеют значение не только рациональные аргументы (источники и факты в них), так как прошлое наполняется эмоциональными оценками, например прошлому и предкам приписываются идеализированно-возвышенные черты и иные «положительные» отличия от настоящего. Зачастую именно такие эмоциональные оценки прошлого становятся источником призыва к изменениям в настоящем – либо чтобы учесть «ошибки» прошлого (негативные образы прошлого, «травмы» оказывают сильный эмоциональный эффект), либо, чтобы соответствовать «великим предкам».

Множественность и нелинейность политики памяти выражается в том, что в рамках одного социального поля могут одновременно разворачиваться различные стратегии. Стратегии – это определенный способ передачи образов и смыслов, совокупность транслируемых смыслов и способа их передачи (канала), причем тесно привязанная к конкретному актору, социальному контексту, отрезку времени и той группе, на которую рассчитана (социальному полю).

Во второй главе «Политика памяти о наследии Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане» представлены результаты авторского социологического исследования с использованием разработанной аналитической модели на кейсе сферы памяти о Булгарской версии прошлого Республики Татарстан. Результатом произведенного анализа стало выделение трех типов стратегий в рамках политики памяти о Волжской Булгарии в современном Татарстане: стратегий депроблематизации межэтнических отношений, стратегии брендинга региона через обращение к образам прошлого региона и стратегии репрезентации идентичности этнической группы татар в рамках политики памяти о Волжской Булгарии.

В параграфе 2.1 «Политика памяти о наследии Волжской Булгарии и этническая идентичность: «изобретение» традиций и мифов» рассмотрена политика памяти о Волжской Булгарии, на уровне культурной памяти (события, создаваемые тексты, места памяти и т.д.). Закрепление определенных репрезентаций прошлого в культурной памяти специально учреждается (через создание институтов, позволяющих её создавать, воспроизводить и

транслировать), а репрезентация прошлого региона как наследия, позволяющего обосновать особенную культурную значимость региона в настоящем, напрямую связана с тем, какое прошлое и какого «предка» выбрать для жителей региона в целом и этнической группы татар в частности. Изученные материалы позволяют сделать вывод о том, что интерпретация значения образа предка смещается с обоснования большего политического суверенитета (в период распада СССР) к репрезентации Татарстана как региона с особыми давними традициями сосуществования различных этнических и религиозных культур, центра мирной исламской культуры в Российской Федерации и региона с выдающимися историческими и культурными достопримечательностями. Определение «предка» этнической группы татар является дискуссионной темой, и болгарская версия происхождения татар не является единственной и доминирующей, однако репрезентации болгарского периода регулярно появляются на официальных интернет ресурсах, в интервью ведущих региональных политиков, а также на уровне институционализации: создаются музеи, отделы, изучающие те или иные аспекты истории периода, происходит создание качественной туристической инфраструктуры вокруг крупных «болгарских» памятников, в культуре и искусстве оформляются тенденции и течения (иногда отдельные коллективы) создающие все новые и новые репрезентации образа Волжской Булгарии и влияния древних болгар на современных татар и татарстанцев в целом.

По результатам опроса казанцев в 2014 году, лидерами списка источников информации о прошлом, в том числе о Волжской Булгарии, являются каналы, содержание которых определяется политикой памяти, т.е. институционализированные каналы формирующие образ прошлого в культурной памяти (образование, музеи, СМИ, туристические места памяти и проч.). Распределение ответов указывает на то, что для большинства респондентов при формировании собственных представлений о прошлом в равной степени актуальны 4-5 источников. Это подтверждает правомерность рассмотрения социальной памяти как пространства, в рамках которого аудитория находится под одновременным воздействием множества репрезентаций прошлого, поступающих по различным каналам.

Данные полученные при контент-анализе сообщений СМИ и социальных медиа, не противоречат данным опроса и так же указывают на множество активных каналов политики памяти о Волжской Булгарии в Татарстане, наиболее часто упоминаемыми официальными источниками стали искусство и туризм, простые пользователи так же упоминали болгарское прошлое в контексте туризма, но и в политическом контексте, который был связан, прежде всего, с описанием татар, через интерпретацию взаимоотношений данной этнической группы и других народов (как экономически развитого народа ведущего активную торговлю с Русью и другими государствами).

В параграфе 2.2 «Депроблематизация межэтнических и межконфессиональных отношений в рамках политики памяти о Волжской Булгарии в Республике Татарстан» рассмотрены процессы обращения к болгарскому периоду как источнику, на который можно сослаться, чтобы объяснить основания и современные тенденции событий в политике, религии,

искусстве и даже для анализа ряда этических вопросов (таких как патриотизм, толерантность и т.д.). И для того, чтобы репрезентировать регион в положительном ракурсе на федеральном и мировом уровне, так, чтобы были нивелированы любые негативные стереотипы о татарах и их истории. Репрезентации болгарского периода помогают выстраивать образ само собой разумеющегося «естественного мира» между представителями разных этнических групп и конфессий в регионе. Стратегия работает, прежде всего, через такие каналы как СМИ, заявления официальных лиц, образование. Позитивный эффект такой политики памяти заключается в установлении толерантности как нормы, которая используется для социализации в рамках института образования, а негативный связан с тем, что проблемы взаимодействия множества этнических групп и конфессий, могут быть отнесены к случайности, и привести в итоге к игнорированию системных проблем.

В современных реалиях, когда стратегии политики памяти направлены одновременно на несколько целей, депроблематизация касается и образа татар и Татарстана для туристов. При этом, происходит редуцирование сложного образа исторического прошлого региона до набора клише, которые удобно распространять в рамках туристических практик. Замена негативно окрашенных коннотации о периоде золотой орды и условных «татаро-монгол», на позитивных по всем смыслам предков-булгар происходит через туристические экскурсии, и различного рода публичные презентации (официальные порталы, выступления первых лиц республики и т.д.)

Происходит переход от использования болгарской истории для интерпретации политического статуса региона, к обоснованию особого места Татарстана в культуре и на туристическом рынке (через интерпретацию того как черты древних (преимущественно положительные) отразились на современных татарах, и всем Татарстане). Особую роль в этом играет и интерпретация религиозного наследия булгар, на основании ссылки на болгарский период истории Татарстан представляется как центр мирного, «традиционного», для современной России ислама. Подобные нарративы работают как для развития практик религиозного туризма и паломничества, так и для обозначения республики как места мирного диалога ислама и православия. Депроблематизация межэтнических отношений в рамках политики памяти происходит через построение новой интерпретации этнической идентичности, связанной с репрезентацией отношений с другими этническими общностями, натурализацией межэтнического мира и через проработку «культурных травм» и уход от негативно окрашенных стереотипов, в том числе связанных с религиозными различиями.

Параграф 2.3 «Стратегии брендинга региона и обращение к памяти о Волжской Булгарии» раскрывает особенности обращения к памяти о Волжской Булгарии для создания устойчивых институциональных форм и способов трансляции репрезентаций прошлого, которые служат для презентации республики и этнической группы татар на федеральном и мировом уровнях через образ, который легко воспринимается, запоминается и очищен от негативных коннотаций. Анализ стратегий брендинга региона в рамках

политики памяти позволяет сделать значимый вывод о том, что определяющую роль при конструировании того или иного образа прошлого играет не только нарратив, но и то, какие каналы используются для его передачи. Канал влияет на степень формализации информации, на уровень насыщения ее эмоциями, а так же на уровень доверия источнику, а значит и информации в целом. Уровень институционализации канала значительно влияет на охват аудитории политики памяти.

Результаты контент-анализа социальных медиа и записей интернет-порталов посвященных болгарской тематике позволяют выделить преобладание репрезентаций наследия Волжской Булгарии через упоминание туризма в Татарстане. Для таких «туристических» репрезентаций актуально использование обращения к эмоциям, мифологизации, упрощения и романтизации нарративов о болгарском прошлом, что становится стратегией политики памяти, позволяющей репрезентировать необходимое содержание с точки зрения конструирования этнической идентичности и при этом вписать его в логику коммерциализации и развития туризма в регионе.

В целом, работа с историей региона как с частью бренда республики и этнической группы татар происходит на академическом уровне, в сферах религии и туризма, это выражается также через такой специфический канал как создание инфраструктуры. Развитие инфраструктуры приводит к росту числа триггеров актуализации этнической идентификации для членов этнической группы татар, и к более активному конструированию внешнего образа этнической группы через увеличение числа практик связанных с «болгарскими памятниками».

Более общим проявлением обозначенных тенденций является стратегия институционализации политики памяти о Волжской Булгарии, выраженная в создании физических и символических мест памяти (музеев), формальных и неформальных институциональных структур (отделов, сообществ т.д.). Именно в рамках институционализации происходит воспроизводство ключевых составляющих политики памяти таких как акторы (социализированных как представителей определённой школы исследований, экскурсоводов, учителей истории), содержание репрезентаций, каналы (музеи, конференции, мероприятия, телепередачи, песни и т.д.). Институционализация во многом задает рамки интерпретации как образа региона, так и образа этнической группы татар, на основании обращения к болгарскому прошлому.

Параграф 2.4. «Репрезентации идентичности этнической группы татар в рамках политики памяти о Волжской Булгарии» посвящен анализу общности исторического происхождения, как одного из центральных факторов, влияющих на формирование идентичностей членов этнической группы. Стратегии политики памяти, влияющие на различные виды идентичности на основании болгарского прошлого можно подразделить на три группы. Первая связана с внедрением отсылок к Волжской Булгарии в социальное пространство (на уровне повседневности, или напротив специально организованных практик – мероприятий, посвященных истории региона для аудитории как профессионалов, так и обывателей). Второй тип – интерпретирует легальность

нарратива о том, что именно современный Татарстан и этническая группа татар являются теми, кто имеет право на культурное наследие болгар. Третий тип использует нарративы об уникальных характеристиках Волжской Булгарии и древних болгар и на их основе создает эмоционально окрашенные представления о том, какие черты в себе несут представители современной этнической группы татар, как «наследники» болгарской культуры. Такими чертами представляются толерантность, евразийское мышление (открытость к широким междарным контактам), ислам, «предпринимательская жилка», опыт государственности, трудолюбие и богатство духовной культуры. Образ и культура болгар репрезентируются как образец социально значимых ценностей для этнической группы татар.

Политика памяти не столько создаёт образ прошлого, сколько использует его для побуждения аудитории определенным к действиям и оценкам. В контексте конструирования этнической идентичности это связано с актуализацией идентификации себя как члена группы и рефлексией по поводу того, какие черты присущи своему сообществу. Политика памяти, во-первых, наполняет социальный контекст репрезентациями прошлого в самых разнообразных формах, повышая таким образом частоту актуализации этнической идентификации, а во-вторых, предлагает обывателю интерпретации того, как должны быть связаны условные «передки» этнической группы и содержание идентичности ее членов сегодня. К примеру, образ предков связан с необходимостью им соответствовать.

В условиях многомерности и изменчивости социальной памяти о прошлом региона, жители республики не строят собственную идентичность (или представление об идентичности соседней этнической группы) выбирая одного, определенного предка и связь с болгарским наследием при описании происхождения татар значима, но не является единственной в представлениях как самих татар, так и русских проживающих в Татарстане.

В Заключении подводятся итоги и формулируются основные выводы работы. Анализ нарративов и практик относительно памяти о Волжской Булгарии в современном Татарстане путем выделения стратегий политики памяти и их типологизации позволяет предложить модель, по образцу которой могут быть успешно описаны процессы конструирования представлений о прошлом на региональном уровне и тех эффектов, которые они несут в сфере конструирования этнической идентичности, а также функционирования различных институтов в сферах науки, туризма, политики и общественных движений в ситуации подвижности и множественности практик конструирования образа прошлого и его актуализации.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Озерова К.А. Социальная память и имидж региона: институционализация практик воспроизводства образов болгарского прошлого Татарстана // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. №5. С.45-49
2. Озерова К.А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций // Историческая и социально-гуманитарная мысль. 2018. Т.10 №2/2 С.127-132.
3. Озерова К.А. Историческая память, групповая идентичность и национальная музыка: теоретико-методологические основания социологического исследования // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. №4. С.42-48.

Статьи в изданиях, рецензируемых в системах Scopus и Web of Science:

4. Ozerova, K. A., Garifzianova, A. R. Construction of Historical Memory through Youth Music: Example of the City of Kazan // Journal of History Culture and Art Research, 8(4), 2019, pp. 144-150.

Главы в коллективных монографиях:

5. Озерова К.А. Динамика образа национальной истории в музыкальных произведениях на татарском языке // Полиэтнический регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы. Казань.: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 124-150.

Другие публикации по теме исследования:

6. Озерова К.А. Социальная память и гражданская идентичность молодежи в контексте конструктивистской методологии // Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (28 февраля 2018 года). В 2-х томах. Т. II. / Под ред. Мухаметзянова И.Ш., Гильмеевой Р.Х. Казань: Данис, 2018. С.72-78.
7. Озерова К.А. Образ Волжской Булгарии и социальная память: стратегии политики памяти в региональном контексте // Историческая этнология. 2017. Том 2. № 2. С. 258-272.
8. Akhmetova S., Ozerova K. Native language in multicultural republic: symbol of ethnical identity or the method of daily communication? // International Journal of Humanities And Cultural Studies. July. Special Issue. 2016. P. 426-432.
9. Озерова К.А. Межэтнические браки в Татарстане: на страже этнических границ// Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. №2. С.38-41.
10. Озерова К.А. Культурная память в татарской музыке: репрезентации истории, культурная травма и этническая идентичность // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2014. № 4 . С. 83-92.